

Д.Р. ЯВОРСКИЙ
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ РЕНЕ
ЖИРАРА «КОЗЁЛ ОТПУЩЕНИЯ».**
(СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.
336 с).

В 2010 г. вышла в свет вторая на русском языке книга литературоведа, культуролога, философа Рене Жирара (род. в 1923 г.). Теперь на основе двух его книг – «Насилие и священное» (1972 г., рус. перевод 2000 г.) и «Козёл отпущения» (1982 г., рус. перевод 2010 г.) – у российского читателя есть возможность самому составить целостное представление об антропологической концепции мыслителя. Впрочем, заметим, что литература, посвященная анализу или хотя бы изложению концепции Р. Жирара, весьма немногочисленна: помимо вступительных статей и рецензий, это статьи А.И. Пигалева «Рене Жирар и Мартин Хайдеггер: о смысле “преодоления метафизики”» (Вопр. философии. 2001. №10) и Евгения Галены «Жирардианские медитации: от миметического желания к инстинкту подражания» (Вестн. Харьк. нац. ун-та им. В.Н. Карамзина. 2010. № 904).

Р. Жирар относится к тем редким ныне авторам, чья основная идея совершенно ясна, и кто не принял влиятельную в современной гуманитаристике мысль о бесконечности и несоизмеримости интерпретаций реальности. Он одержим своим открытием и не готов на компромиссы с читателем и критиком. Он убежден, что найденная им интерпретация мифологических текстов отражает не только позицию интерпретатора, но и действительное положение вещей. Суть его открытия состоит в том, что все сакральные мифы сообщают неявным образом об учреждающем насилии, жертвоприношении, при помощи которого обуздывается социальный хаос. Это открытие встраивается в особую антропологическую теорию, акцентирующую внимание на миметической природе человеческого желания. Речь идет о том, что энергия желания у человека объективируется в результате подражания установленным ранее образцам. Однако опасным результатом мимесиса является эскалация со-

перничества из-за общего объекта желания – «миметический кризис», лежащий, согласно Жирару, в основе всякого социального конфликта. Миметический кризис имел бы самые пагубные последствия, если бы на заре человеческой истории не был найден способ его разрешения – замещающее жертвоприношение. Взаимная агрессия участников миметического соперничества путем жертвоприношения канализируется в общий поток ненависти, направленный на жертву; происходит солидаризация убийц вокруг общего убийства. Коллективный характер жертвоприношения позволяет участникам не считать себя виновными в этом деянии.

В этой связи Жирар обращается к различным мифам и повсеместно обнаруживает следы учреждающего насилия. Вторая книга Жирара изобилует реакцией на критику оппонентов, вызванную «Насилием и священным». Он начинает с риторического недоумения: почему гневные средневековые истории о евреях и подкупленных ими пособниках из христиан, отравивших воду чумой, вызывают у современного читателя встречный гнев против невежества и жестокости авторов этого навета, а мифы о принесенном в жертву Богу или герою, наказанном судьбой, не встречает такой же реакции; почему в первом случае ложь, оправдывающая насилие, узнается, а в других случаях – нет. На основе текста французского поэта XIV в. Гийома де Машо, рассказывающего о «злодействах» «лживой, коварной, отреченной Иудеи», Жирар выявляет признаки всякого гонительского текста: описание социального кризиса, мнимых преступлений, совершенных предполагаемой жертвой, наличие признаков виктимного отбора (признаки инаковости по отношению к совершающему жертвоприношение обществу) и насилия, творящего якобы возмездие над преступной жертвой. Эти признаки Жирар опознает во всяком мифе, где герой одерживает верх над чудовищем, сеющим хаос. Миф в таком случае предстает как нарратив, обосновывающий и оправдывающий насилие, учреждающее социальный порядок. Его задача – скрыть подлинный смысл происшедшего от участников насильственного действия, поскольку людям трудно смириться с собственным злодейством. Эта логика со-

крытия, по мысли Жирара, и сбивает с толку современных интерпретаторов мифа. Она же позволяет ретрансляторам мифических нарративов все тщательнее вуалировать насилие, подвергать цензуре все, что хоть как-нибудь намекает на него.

Однако все это – лишь уточнение изложенного в «Насилии и священном». Совершенно новый для Жирара сюжет – интерпретация Евангелий как текстов, не покрывающих, а разоблачающих насилие над сакрализованной жертвой. Евангелисты приписывают ложь и человекоубийство Сатане, но именно человекоубийство и ложь – средства разрешения жертвенного кризиса. Антисатанизм Евангелий состоит в разоблачении скрытых механизмов жертвоприношения, в этих книгах жертвы показаны как невинные, а убийцы не находят оправдания в мнимых преступлениях убитого, более того, сама жертва вырывается из гонительского консенсуса, не соглашается признать себя виновной и тем самым оправдать собственных убийц. Евангелии с позиции жертв, не желающих молчать, показывают работу жертвенного механизма учреждающего насилия. Смена ракурса позволяет высказать то, что мифы замалчивают: жертва намеренно «причисляется к злодеям» и обвиняется без вины, ее «возненавидели без причины». В этой связи совершенно не случайно, что евангелисты ссылаются на Псалмы: Давид, авторство которого приписывается большинству из них, также говорит как гонимый, а не как гонитель, прорывая закон умолчания, сопровождающий жертвоприношение.

Взгляд через эту призму позволяет Жирару дать головокружительные по своей неожиданности и ясности интерпретации известных евангельских сюжетов: убийства Иоанна Крестителя, отречения Петра, изгнания гадаринских бесов. Как и в случае хорошего детектива, здесь следует адресовать читателя к самому тексту, лучше которого нельзя воспроизвести интригу интерпретации. Это три самые захватывающие главы.

Ограничительная критика концепции возникает, как это обычно и бывает, там, где начинается генерализация: «все жертвы – невинные», «все гонения – неоправданные». Генерализация всегда чревата ослаблением функции различения, в данном случае страдает различение мести и возмездия, справедливого и несправедливого наказания (преследования), вины и невинности. Тенденция к генерализации у Жирара вызвана его фундаменталистской позицией. Авторская реконструкция евангельского христианства представля-

ется вполне убедительной, и она согласуется с распространенной идеей о демифологизирующей функции христианства. Однако раннее христианство было проникнуто духом эсхатологизма, т.е. стремлением немедленно решить все «проклятые» вопросы. Именно этим духом движим и Р. Жирар. Убежденность, пронизывающая текст, безоговорочный отказ от любых компромиссов с критиками выдают в нем пророка конца времен, и это объясняет раздражение, которое автор проявляет в отношении не понимающих его читателей. И это же не дает Жирару признать, что последующий возврат христианства к мифологии жертвы вызван не косностью его интерпретаторов, а необходимостью продолжения земного бытия человека, отсрочкой Второго пришествия и торжества Царства Бога. В границах эпохи, «века сего» Евангелия – не экзотерические тексты, во всеуслышание провозглашающие невинность всех бывших, настоящих и будущих жертв, клеймящие сам институт возмездия, а эзотерические тексты для тех, кто понимает подлинную природу жертвоприношения и готов в этой связи «взять свой крест» и, «подражая Христу», принимать на себя трагическую роль жертвы ради спасения «малых сих», которые «не ведают, что творят». Но те, кто «берет свой крест», должны быть свободны от двух крайностей, равно поощряющих насильственную стратегию: с одной стороны, крайности возбуждения ненависти к своим гонителям, что, по Жирару, следует рассматривать (и с чем трудно не согласиться) не иначе, как миметическое желание насилия, с другой – капкана «стокгольмского синдрома», т.е. застывания в безмолвном восторге перед насильником.

Знатокам мифологии нетрудно критиковать Жирара, внимательным читателям нетрудно уличить автора в чрезмерной одержимости своей ключевой идеей. Однако научная критика едва ли заглушит главное послание автора. Юноши и девушки, женщины и мужчины, мимо которых прошла благая весть Евангелий о падении Сатаны и царстве Бога, все еще жаждут окунуться в водовороты миметических желаний, конкуренции за место под солнцем; осаждают разнообразными советами нечестивых, где ищут не столько удовлетворения собственных миметических желаний, сколько своего «скандалона» – объекта желаний, подражая опытным товарищам-врагам и будучи уверенными в том, что Сатана – отец всякой лжи и всякой розни – и есть Бог.